

Особенности эго-идентичности у лиц, зависимых от психоактивных веществ

Н. А. Суворова

психолог, Центр реабилитации «На Казанской»,
магистрант кафедры психологии, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: nat_suvorova@mail.ru

Аннотация. Проблема эго-идентичности в современном мире становится все более актуальной в связи с увеличением набора статусов и ролей личности, а также в связи с повышением значимости достигнутой позитивной идентичности для успешной жизнедеятельности и сохранения психологического здоровья человека. С возрастанием количества новых «Я» повышается риск утраты их подлинности и интегрированности. К потенциальным рискам нарушения эго-идентичности относится чрезмерное употребление психоактивных веществ. В статье представлены результаты исследования особенностей эго-идентичности у лиц, зависимых от психоактивных веществ. Теоретико-методологической основой исследования выступили концепция эго-идентичности Э. Эриксона и концепция статусов эго-идентичности Дж. Марсиа. Были применены методики: «Кто Я?» М. Куна, Т. Макпартленда; методика исследования личностной идентичности («МИЛИ») Л. Б. Шнейдер. В качестве респондентов выступили: 1) лица с синдромом зависимости от психоактивных веществ ($n = 71$); 2) лица без синдрома зависимости от психоактивных веществ ($n = 69$). В статье приводятся данные об особенностях идентификационных характеристик зависимых от психоактивных веществ лиц в сравнении с идентификационными характеристиками группы условно здоровых респондентов. Также по результатам методики «Кто Я?» описываются особенности самооценки зависимых лиц по способу, предложенному Т. В. Румянцевой в адаптации теста М. Куна, Т. Макпартленда. Исследование показало, что для большинства зависимых лиц характерен статус диффузной идентичности, для которого свойственны сниженная осмысленность своего «Я», их размытость, потеря интереса к себе, самоотчужденность, отсутствие четких целей и убеждений, утрата временной непрерывности и целостности своей личности, отсутствие чувства жизненной наполненности.

Ключевые слова: эго-идентичность, статусы эго-идентичности, диффузная идентичность, зависимость от психоактивных веществ.

Проблема эго-идентичности в современной социокультурной ситуации становится все более актуальной в связи с повышением значимости *достигнутой позитивной идентичности* (Дж. Марсиа) для успешного функционирования и психологического благополучия личности. В связи с постоянным и быстрым увеличением количества новых «Я» повышается риск утраты их подлинности и интегрированности. В обыденной жизни человека подстерегают многие опасности, связанные с формированием и нарушениями эго-идентичности. К потенциальным рискам невозможности достижения позитивной эго-идентичности относится чрезмерное употребление психоактивных веществ.

Особенности личностной и социальной идентичности лиц, зависимых от психоактивных веществ, в настоящее время все чаще оказываются в центре внимания исследователей [5; 9; 14]. С клинической точки зрения, данная проблема важна для построения психологической реабилитационной работы с категорией зависимых людей. За рамками клинической психологии эта проблема находит свое место в исследованиях, направленных на изучение механизмов функционирования и нарушения эго-идентичности при употреблении психоактивных веществ, а также при разработке содержания и технологий психологической профилактики зависимости от психоактивных веществ.

Цель исследования – изучение и анализ особенностей эго-идентичности лиц, зависимых от психоактивных веществ.

Гипотеза исследования: эго-идентичность лиц, зависимых от психоактивных веществ, чаще, в сравнении с группой условно здоровых лиц, характеризуется диффузностью.

Для проверки гипотезы были поставлены задачи: 1) опираясь на научную литературу, дать обзор изученности проблемы особенностей эго-идентичности лиц, зависимых от психо-

активных веществ; 2) эмпирически определить особенности эго-идентичности зависимых от психоактивных веществ лиц в сравнении с группой условно здоровых людей.

Теоретическими основаниями исследования являются концепция эго-идентичности Э. Эриксона и концепция статусов идентичности Дж. Марсиа.

Представляя взгляд Э. Эриксона на идентичность, А. В. Толстых пишет о том, что идентичность трактуется как «тождественность человека самому себе», а также как «твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру, чувство адекватности и стабильного владения личностью собственным “я” независимо от изменений “я” и ситуации; способность личности к полноценному решению задач, возникающих перед ней на каждом этапе ее развития» [22, с. 12]. Идентичность рассматривается Э. Эриксоном как «показатель зрелой (взрослой) личности» [там же].

Э. Эриксон исходит из того, что ребенок на своем жизненном пути «имеет достаточно возможностей идентифицировать себя <...> с реальными или воображаемыми людьми любого пола, с привычками, особенностями, профессиями, идеями. Определенные кризисы заставляют его делать радикальные выборы. Однако историческая эра, в которой он живет, предлагает лишь ограниченное количество социально значимых моделей для выполнимых комбинаций фрагментов идентификаций» [23, с. 25]. В соответствии с концепцией Э. Эриксона, общество, обуславливая развитие идентичности ребенка, вместе с тем ограничивает его в возможностях идентификации и постоянно ставит его в ситуацию выбора [2].

Э. Эриксон различает идентичность индивида и идентичность группы. Идентичность индивида, по Э. Эриксону, основывается «на ощущении тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве и на осознании того факта, что твои тождество и непрерывность признаются окружающими» [22, с. 58–59]. Вводя понятие «эго-идентичность», Э. Эриксон подчеркивает, что оно «имеет отношение не просто к самому факту существования; это как бы качество существования, придаваемое ему этим “эго”» [там же, с. 59]. Обратим внимание на роль, которую играет «эго-идентичность» в жизни человека. По мысли Э. Эриксона, «эго-идентичность» обеспечивает качество существования человека. Механизм становления «эго-идентичности» включает в себя взаимодействие со значимыми другими, поскольку, как пишет Э. Эриксон, «*стиль индивидуальности совпадает с тождеством и непрерывностью того значения, которое придается значимым другим в непосредственном окружении*» [там же].

Понятия идентичности и эго-идентичности близки по своему содержанию, поэтому далее мы будем пользоваться понятием «идентичность», имея в виду личную идентичность.

Переживание чувства идентичности, в соответствии с концепцией Э. Эриксона, по мере развития личности усиливается: человек ощущает возрастающую непрерывность между всем тем, что он пережил, и тем, что он предполагает пережить в будущем; между тем, кем он хочет быть, и тем, как воспринимает ожидания других по отношению к себе [по 1].

Более строгое определение и более детализированные характеристики идентичности содержит получившая широкую известность концепция Дж. Марсиа. Идентичность определяется данным автором как внутренняя, самостоятельно построенная, динамическая система побуждений, способностей, убеждений и индивидуальной истории [24]. Развивая идеи Э. Эриксона об идентичности, Дж. Марсиа выделяет четыре статуса (состояния) идентичности личности: достигнутая идентичность, предрешенная идентичность, диффузная идентичность, мораторий.

Достигнутая идентичность характерна для личности, которая пережила период принятия решений, она следует пути самостоятельно выбранной профессии и собственным идеологическим убеждениям. Также статус достигнутой идентичности означает, что человек сформировал систему значимых ценностей, целей и убеждений, которая придает смысл его жизни и обеспечивает чувство целенаправленности будущего; он преодолел кризисы самоисследований и осознанно строит свою жизнь. Человек с достигнутой идентичностью успешно преодолевает трудности и оптимистично смотрит в будущее.

Предрешенная идентичность характерна для человека, который не переживал кризиса идентичности, но имеет цели, ценности и убеждения, сформировавшиеся не в результате собственных поисков и выборов, а приобретенные посредством идентификации со значимыми людьми, прежде всего родителями.

Диффузная идентичность характерна для человека, не имеющего устойчивых целей, ценностей и убеждений. Более того, такой человек даже не пытается их определять, поскольку

ку переживает негативные чувства в связи с отсутствием четкого понимания своей идентичности. Такой человек либо никогда не находился в состоянии кризиса идентичности, либо оказался неспособным решить возникшие проблемы.

Мораторий характеризует человека, который находится в состоянии кризиса идентичности, и пытается разрешить его, используя различные возможности. В состоянии моратория человек постоянно находится в поиске информации, необходимой для выхода из кризисного состояния. На первых этапах поиска человек переживает чувство интереса и радостного ожидания [24].

Как отмечает Дж. Марсиа, в каждом из статусов, за исключением достигнутой идентичности, есть как здоровые, так и патологические аспекты, которые следует принимать во внимание. Возможно два пути достижения идентичности. Первый путь – это постепенное осознание некоторых данных о себе, таких как имя, гражданство, интересы, наличие способностей и др. Этот путь ведет к формированию предрешенной идентичности. Второй путь основывается на самостоятельном принятии человеком решений по поводу того, каким ему быть. Именно этот путь ведет к формированию достигнутой идентичности [24].

Американский антрополог Р. Линтон отмечает, что человек приобретает свои идентификационные характеристики в процессе научения действовать согласно культурному образцу поведения, который обусловлен социальной нормой [12]. Этот взгляд созвучен с мыслью Э. Эриксона о том, что общество задает человеку определенные рамки для построения своих идентификаций.

Для понимания эго-идентичности личности, с нашей точки зрения, исключительно продуктивны идеи о взаимосвязи и единстве деятельности и сознания, развиваемые в отечественной психологии А. Н. Леонтьевым и С. Л. Рубинштейном [11; 15]. Осознавая себя в деятельности и через результаты своей деятельности, человек «осваивает себя», утверждает в своих ценностях, целях, убеждениях, во всем том, что делает его жизнь осмысленной и целенаправленной.

Безусловно, процесс идентификации личности управляется внешними факторами: общество ставит человека в условия необходимости выполнения определенной социально значимой деятельности, в процессе которой личность соотносит себя с данным статусом и ролью [13]. Однако внутренне человек либо отождествляется с этим статусом (статусами) и ролью (ролями), либо нет. Как уже отмечалось, процесс личностного и профессионального самоопределения может сопровождаться кризисом идентичности.

Кризис идентичности может приводить к разрушительным для личности последствиям, а может преобразовываться в авторство своей жизни. М. Джей [3] использует понятие «капитал идентичности», который, как это ни парадоксально, создается в момент переживания кризиса идентичности. «Капитал идентичности» М. Джей определяет как «совокупность личностных активов, запас тех индивидуальных ресурсов, которые мы накапливаем с течением времени» [3, с. 41]. Автор пишет, что «молодым людям двадцати с лишним лет кажется, что кризис идентичности – это то, что происходит сейчас, а накопление капитала идентичности – то, что будет потом. Однако на самом деле эти процессы должны сосуществовать» [там же]. По мысли автора, жизнь, которая сводится только к накоплению капитала идентичности и в которой нет кризиса идентичности, лишена гибкости и динамичности» [там же].

Статус эго-идентичности у одного и того же человека может быть различным в различных сферах его жизни: в одной плоскости может фиксироваться достигнутая идентичность, в других – диффузная или мораторий [18].

В соответствии с целью исследования обратимся к описанию особенностей эго-идентичности у лиц, зависимых от психоактивных веществ.

По мнению Ц. П. Короленко и Н. В. Дмитриевой, употребление психоактивных веществ формирует аддиктивную идентичность, вследствие чего человек соотносит себя лишь со своими ролевыми, часто иллюзорными характеристиками, утрачивая глубинное понимание своего «Я» [8]. В исследованиях показано, что нарушение формирования идентичности, в свою очередь, выступает как фактор развития аддиктивного поведения; сформированная аддиктивная идентичность в значительной степени препятствует возможности ремиссии [7]. Недифференцированность «Я-реального» и «Я-идеального», ригидность статусно-ролевых позиций при зависимостях от психоактивных веществ укрепляют аддиктивную идентичность. Человек, зависимый от психоактивных веществ, не вполне критичен к себе, что снижает потенциальные шансы на выздоровление [6]. Лица с зависимостями от психоактивных веществ, как правило, отрицают свою принадлежность к данной группе. Это, в первую очередь, говорит о вытеснении своих идентификационных характеристик, во вторую – о трудностях глубинного понимания себя и утрате или временном отсутствии целостности личности [4].

Кризис идентичности у лиц, зависимых от алкоголя и наркотиков, как правило, заканчивается ее утратой либо приводит к формированию диффузной идентичности [9], характеризующейся самоотчуждением, утратой чувства жизненной наполненности, отсутствием ощущения временной непрерывности и целостности, ригидностью Я-концепции в связи с размытостью своих «Я», потерей смысловых и ценностных ориентиров. Диффузная идентичность вследствие негативных трансформаций может перерасти в аддиктивную идентичность, которая базируется на стойком аддиктивном мотиве – употребление веществ, изменяющих состояние сознания как способ «уйти» от реальности [5]. В свою очередь любые другие структурные деформации идентичности являются одним из факторов риска формирования алкогольной зависимости в подростковом возрасте [20].

Далее представим эмпирическое исследование, проведенное нами на выборке лиц, зависимых от психоактивных веществ и выборке респондентов без синдрома зависимости.

Методы. Исследование лиц с зависимостью от психоактивных веществ проводилось на базе Кировского областного наркологического диспансера в отделении медицинской и социальной реабилитации. Выборку составил 71 человек с синдромом зависимости от психоактивных веществ в возрасте от 17 до 56 лет, из них 48 мужчин и 23 женщины. Среди мужчин 10 респондентов – с синдромом зависимости от алкоголя, 38 – с синдромом зависимости от наркотических веществ (преимущественно психостимуляторы и каннабиноиды). У каждого третьего респондента из мужской выборки наблюдается полизависимость. Пять женщин из числа респондентов имеют синдром зависимости от наркотических веществ (психостимуляторы, опиаты и др.), остальные 18 женщин – алкогольный синдром зависимости.

В выборку условно здоровых лиц (группу сравнения) вошли 69 человек без синдрома зависимости от психоактивных веществ, в возрасте от 17 до 60 лет, из которых 47 мужчин и 22 женщины.

Были применены следующие методики:

– тест-опросник М. Куна, Т. Макпартленда «Кто Я?» [10]. В данном исследовании использовался вариант опросника, модифицированный Т. В. Румянцевой [16; 17];

– методика изучения личностной идентичности («МИЛИ») Л. Б. Шнейдер [21]. Методика построена на принципах прямого и «цепного» ассоциативного теста. Испытуемым предлагается подчеркнуть среди слов ассоциативного ряда те, которые имеют отношение к их жизни.

Результаты. По итогам исследования с применением методики М. Куна, Т. Макпартленда «Кто я?» в модификации Т. В. Румянцевой [16; 17] были определены идентификационные характеристики и показатели самооценки у респондентов с зависимостью от психоактивных веществ и не имеющих такой зависимости (табл. 1, 2).

Таблица 1

**Средние значения частоты использования идентификационных характеристик
в группах лиц, зависимых и независимых от психоактивных веществ**

Идентификационная характеристика	Группа зависимых от психоактивных веществ	Группа сравнения	Уровень значимости по U-критерию Манна-Уитни
Социальное Я	4,9	3,3	0,001*
Коммуникативное Я	1,3	0,7	0,001*
Материальное Я	0	0,3	0,039*
Физическое Я	0,5	0,2	0,028*
Деятельное Я	1,6	1,4	0,482
Перспективное Я	0,2	0,1	0,183
Рефлексивное Я	11	14	0,000*
Проблемная идентичность	0	0	–
Ситуативное состояние	0,3	0	0,039*

Примечание: * $P \leq 0,05$

Подсчет идентификационных характеристик производился посредством контент-анализа. Для выявления различий между двумя независимыми выборками был использован U-критерий Манна-Уитни. Было выявлено, что статистически достоверно респонденты различаются по склонности описывать свое Я как социальное, коммуникативное, физическое, материальное и рефлексивное, а также ситуативное состояние. Как выяснилось, зависимые от психоактивных веществ респонденты реже, в сравнении с условно здоровыми, используют в описании своего Я рефлексивные характеристики, но чаще – коммуникативные и физические.

Среди наиболее популярных ответов в категории «Рефлексивное Я» можно выделить следующие: личность, хороший, добрый, слабовольный, ревнивый, зависимый от алкоголя/наркотиков.

В категории «Социальное Я» наиболее частые ответы отражают прямое обозначение пола, семейную и групповую принадлежности. Например, часто встречаются следующие идентификационные характеристики: человек, сын/дочь, муж/жена, мужчина/женщина, отец/мать, алкоголик/наркоман, специалист (обозначение профессии), реабилитант/пациент.

Характеристики деятельного и перспективного Я у двух групп респондентов статистически не различаются. Проблемная идентичность, под которой понимается неспособность дать ответ на вопрос «Кто Я?», не была выявлена в нашем исследовании ни у одного респондента.

Указание на свое ситуативное состояние в целом не характерно для лиц без синдрома зависимости, тогда как некоторые зависимые испытуемые давали такие самохарактеристики. В качестве примера приведем некоторые ответы респондентов: «на данный момент безработная», «суетливая сегодня», «грустная с утра», «нуждаюсь в поддержке», «иногда радуюсь», «могу быть агрессивной».

Показатели самооценки, приведенные в таблице 2, рассчитывались способом, предложенным Т. В. Румянцевой. Испытуемым было предложено оценить свои идентификационные характеристики, используя знаки «+», «-», «+/-» и «?». Так, например, если ответов на вопрос «Кто Я?», отмеченных знаком «+», больше 65% от общего количества, то самооценка респондента признается адекватной. Количество положительно оцененных ответов выше 85% означает неадекватно завышенную самооценку, выше 50% и до 100% отрицательных оценок – заниженную самооценку. Однако, если количество плюсов и минусов примерно одинаково (50-55% «+» к 50-45% «-» и наоборот), самооценка считается неустойчивой. Также Т. В. Румянцева интерпретирует использование знаков «+/-» и «?», выделяя сомневающихся респондентов [16].

Таблица 2

Показатели самооценки в группах респондентов, зависимых и независимых от психоактивных веществ

Самооценка	Группа зависимых от психоактивных веществ	Группа сравнения	φ -критерий Фишера	Уровень значимости
Неустойчивая	28	12	2,9	$p \leq 0,01$
Неадекватно завышенная	15	5	2,4	$p \leq 0,01$
Неадекватно заниженная	3	7	1,4	$p \geq 0,05$
Адекватная	22	44	4	$p \leq 0,01$
Сомневающиеся	2	1	0,6	$p \geq 0,05$
Не выполнившие задание	1	–	1,4	$p \geq 0,05$

Данные, представленные в таблице, показывают, что среди респондентов, зависимых от психоактивных веществ, значительно чаще встречаются лица с неустойчивой и неадекватно завышенной самооценкой. В группе условно здоровых вдвое больше респондентов с адекватной самооценкой. Данные различия между группами респондентов, как показало применение критерия Фишера, статистически достоверны.

Далее представим результаты методики изучения личностной идентичности («МИЛИ») Л. Б. Шнейдер, позволяющей определить статусы идентичности респондентов.

Таблица 3

Статусы идентичности в группах лиц с зависимостью от психоактивных веществ и без синдрома зависимости

	Статусы идентичности (количество респондентов)				
	Предре-шенная	Диф-фузная	Мора-торий	Достигнутая позитивная	Псевдопозитивная
Лица, зависимые от психоактивных веществ	5	39	15	6	6
Лица без синдрома зависимости	2	18	31	13	5
φ -критерий Фишера	1,2	3,5	3,1	1,8	0,3
Уровень значимости	$p \geq 0,05$	$p \leq 0,01$	$p \leq 0,01$	$p \leq 0,05$	$p \geq 0,05$

Мы видим, что более половины респондентов с зависимостью от психоактивных веществ имеют диффузную идентичность, тогда как в группе сравнения такой статус идентичности имеет только каждый четвертый опрошенный. Напротив, в статусе моратория и достигнутой позитивной идентичности находится вдвое больше респондентов, не имеющих зависимости. Псевдопозитивная идентичность примерно одинаково представлена в выборках. Предрешенная (преждевременная) идентичность несколько чаще встречается в группе респондентов с зависимостью.

Данные различия между группами респондентов, как показало применение критерия Фишера, статистически достоверны.

Обсуждение результатов. Употребление психоактивных веществ, как показывает исследование, сказывается на самооценке респондентов. Это выражается в преобладании неустойчивой самооценки в группе зависимых лиц, в поляризованности самооценивания: зависимые люди склонны оценивать себя, исходя не из внутренних посылок, но из внешних факторов. Отсутствие четкого, определенного представления о себе и своих возможностях является одним из ключевых признаков зависимой структуры личности. Этот факт позволяет предполагать наличие у респондентов статуса диффузной идентичности.

Лица с диффузной эго-идентичностью сомневаются в собственной успешности из-за внутриличностных конфликтов, при этом они не пытаются активно влиять на свои способности и возможности. Такие люди обладают ригидностью Я-концепции при положительном отношении к себе, но полагают, что сама их личность, их деятельность вызывают непонимание и неприязнь у окружающих, в связи с чем испытывают сомнения в ценности своей личности. Сомнения подобного рода могут приводить к потере интереса к себе, зачастую к полному безразличию к своему внутреннему миру [21].

Анализ идентификационных характеристик показывает, что зависимые от психоактивных веществ менее склонны к рефлексии в сравнении с людьми без синдрома зависимости. Обилие ответов в группе зависимых респондентов в категории «Рефлексивное Я» и отсутствие самохарактеристик, отражающих проблемную идентичность, можно объяснить тем, что на самоосознание данной категории респондентов оказывает влияние реабилитационный процесс.

Незначительное количество ответов в категории «Перспективное Я» свидетельствует о сложностях личности с зависимой структурой в осознании своих намерений и стремлений.

Чем выше способность личности к рефлексии, тем более зрелой она является [19], а значит, тем в большей степени она близка к статусу достигнутой идентичности. Мы можем предполагать, что незначительное количество рефлексивных характеристик в выборке респондентов с зависимостью от психоактивных веществ обусловлено диффузным статусом их эго-идентичности. Данное предположение соотносится с результатами исследования И. В. Запесоцкой, В. Б. Никишиной, А. И. Ахметзяновой, констатирующих, что, как правило, зависимой личности свойственен диффузный статус идентичности [5]. Зависимая личность отличается сниженной осмысленностью своего Я, ригидностью Я-концепции, недостаточностью рефлексивных механизмов.

Таким образом, идентификационные характеристики и показатели самооценки респондентов с зависимостью от психоактивных веществ дают основания судить о том, что для респондентов с зависимой структурой чаще всего характерен статус диффузной идентичности.

Преобладание диффузной идентичности говорит о том, что зависимые от психоактивных веществ люди не имеют устоявшихся ценностных ориентаций, планов на будущее, мировоззренческих установок, не пытаются формировать их. В связи с отсутствием четкого чувства идентичности такие лица обычно пессимистично настроены. В силу размытости своего «Я» они утрачивают ощущение временной непрерывности и целостности своей личности, чувство жизненной наполненности, что в целом ведет к самоотчуждению, потере уверенности и интереса к себе. В решении задачи по обретению идентичности они, как правило, мало успешны, так как либо еще не прошли через кризис идентичности, либо никогда не находились в таком состоянии.

Таким образом, исходя из анализа полученных данных, можно сделать вывод, что для большинства лиц с зависимостью от психоактивных веществ характерен статус диффузной идентичности, связанный с отсутствием ощущения временной непрерывности и целостности, утратой чувства жизненной наполненности. Данное положение подтверждает имеющиеся в литературе описания особенностей зависимой личности, для которой характерна сниженная способность к рефлексии, сложность целеполагания, вплоть до отсутствия целей, а также труд-

ности в социальной адаптации, что приводит к утрате ощущения идентичности. Характеристики эго-идентичности респондентов, зависимых от психоактивных веществ, в сравнении с респондентами, не имеющими такой зависимости, отличаются большей незрелостью, самоотчужденностью, ригидностью, что соответствует диффузному статусу идентичности.

Список литературы

1. Антонова Н. В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1995. С. 131–143.
2. Винограденко Г. Г. Понятие идентичности: интерпретационный анализ // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 18 (272). Философия. Социология. Культурология. Вып. 25. С. 104–107.
3. Джей Мэг Важные годы. Почему не стоит откладывать жизнь на потом / Мэг Джей ; пер. с англ. Н. Яцюк. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. 320 с.
4. Дьяков Д. Г., Жук Н. Н., Малаховская Е. С. Самоидентификация у лиц, страдающих психическими расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ разного типа: компаративный анализ // СПЖ. 2016. № 59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoidentifikatsiya-u-lits-stradayuschih-psihicheskimi-rasstroystvami-svyazannymi-s-upotrebleniem-psihoaktivnyh-veschestv-raznogo> (дата обращения: 23.01.2019).
5. Запесоцкая И. В., Никишина В. Б., Ахметзянова А. И. Диссоциативные механизмы нарушения личностной идентичности при наркотической зависимости // Неврологический вестник. 2015. № 2. С. 34–41.
6. Зенцова Н. И. Специфические особенности самосознания («Я-концепции») как одна из составляющих синдрома комплекса психологических нарушений при зависимостях от психоактивных веществ // Теория и практика общественного развития. 2012. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsificheskie-osobennosti-samosoznaniya-ya-kontseptsii-kak-odna-iz-sostavlyayuschih-sindromokompleksa-psihologicheskikh-narusheniy> (дата обращения: 03.02.2019).
7. Камалдинов Д. О., Киселева Л. Т., Овчинников А. А. Нарушение формирования идентичности как фактор развития аддиктивного поведения // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 1999. № 2–3. С. 60–62.
8. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Психосоциальная аддиктология. Новосибирск : Олсиб, 2001. 257 с.
9. Крылова Н. В., Шнейдер Л. Б. Утрата личностной идентичности у молодежи и подростков, зависимых от алкоголя и наркотиков // Актуальные проблемы психологического знания. 2011. № 1. С. 69–79.
10. Кун М. Эмпирическое исследование установок личности на себя / М. Кун, Т. Макпартленд // Современная зарубежная социальная психология. Тексты / под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 180–187.
11. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975. 304 с.
12. Линтон Р. Личность, культура и общество // Вопросы социальной теории. 2007. Т. 1. Вып. 1. С. 175–190.
13. Петракова А. С. Реализация процессов идентификации личности в условиях функционирования социальных систем // Вестник Вятского государственного университета, 2018. № 1. С. 26–31.
14. Петраш Е. А. Нарушение социальной идентичности при зависимости от курительных смесей // Человек и его здоровье. 2015. № 1. С. 125–129.
15. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание: о месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира / С. Л. Рубинштейн. М. : АН СССР, 1957. 330 с.
16. Румянцева Т. В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. СПб., 2006. С. 82–103.
17. Румянцева Т. В. Трансформация идентичности студентов медицинского вуза в меняющихся социальных условиях : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Т. В. Румянцева. Ярославль, 2005. 28 с.
18. Солдатова Е. Л. Эго-идентичность в нормативных кризисах взрослости // Вопросы психологии / Е. Л. Солдатова. 2006. № 5. С. 74–84.
19. Солдатова Е. Л., Шляпникова И. А. Эго-идентичность как системообразующий фактор формирования личностной зрелости // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2010. № 27 (203).
20. Чернышева А. В. Деформация структуры социальной идентичности как фактор риска формирования алкогольной зависимости // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Педагогика и психология. 2012. № 2. С. 107–113.
21. Шнейдер Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М. : Московский психолого-социальный институт, 2007. 128 с.
22. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис : пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М. : Прогресс, 1996. 344 с.
23. Erikson E. H. Identity and Life Cycle. New York : Norton, 1980.
24. Marcia J. E. Identity in adolescence // Adelson J. (ed.) Handbook of adolescent psychology. N. Y. : John Wiley, 1980.

Features of ego-identity in persons addicted to psychoactive substances

N. A. Suvorova

psychologist, Rehabilitation Center "On Kazanskaya street", master's student at the Department of psychology,
Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: nat_suvorova@mail.ru

Abstract. The problem of ego-identity in the modern world is becoming increasingly important due to the increase in the set of statuses and roles of the individual, as well as due to the increasing importance of the achieved positive identity for the successful life and preservation of psychological health. As the number of new "Selves" increases, the risk of losing their authenticity and integration increases. The potential risks of ego identity disorders include excessive use of psychoactive substances. The article presents the results of the study of the features of ego-identity in persons addicted to psychoactive substances. The theoretical and methodological basis of the research is the E. Erickson's concept of ego-identity and the J. Marcia's concept of ego-identity status. Methods were applied: "Who am I?" by M. Kuhn, T. Mcpartland; methods of research of personal identity ("MRPI") by L. B. Schneider. The respondents were: 1) individuals with the syndrome of dependence on psychoactive substances (n = 71); 2) individuals without the syndrome of dependence on psychoactive substances (n = 69). The article presents data on the features of the identification characteristics of substance-dependent persons in comparison with the identification characteristics of the group of healthy respondents. Also according to the results of the technique "Who am I?" the features of self-assessment of dependent persons according to the method proposed by T. V. Rumyantseva in the adaptation of the M. Kuhn, T. Mcpartland test are described. The study showed that the majority of dependent persons are characterized by the status of diffuse identity, which is characterized by reduced meaningfulness of their "Self", their blurring, loss of interest in themselves, self-alienation, lack of clear goals and beliefs, loss of temporal continuity and integrity of their personality, lack of a sense of fullness of life.

Keywords: ego-identity, ego-identity status, diffuse identity, addiction to psychoactive substances.

References

1. Antonova N. V. *Problema lichnostnoj identichnosti v interpretacii sovremennogo psihoanaliza, interakcionizma i kognitivnoj psihologii* [Problem of personal identity in the interpretation of modern psychoanalysis, interactionism and cognitive psychology] // *Voprosy psihologii* – Issues of psychology. 1995. Pp. 131–143.
2. Vinogradenko G. G. *Ponyatie identichnosti: interpretacionnyj analiz* [Concept of identity: a hermeneutic analysis] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of the Chelyabinsk State University. 2012. No. 18 (272). *Filosofiya. Sociologiya. Kul'turologiya* – Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 25. Pp. 104–107.
3. Jay Meg *Vazhnye gody. Pochemu ne stoit otkladyvat' zhizn' na potom* [Important years. Why should not you put off life for later] / Meg Jay; transl. from English by N. Yacyuk. M. Mann, Ivanov and Ferber. 2014. 320 p.
4. D'yakov D. G., Zhuk N. N., Malahovskaya E. S. *Samoidentifikaciya u lic, stradayushchih psihicheskimi rasstroystvami, svyazannymi s upotrebleniem psihoaktivnyh veshchestv raznogo tipa: komparativnyj analiz* [Self-identification of persons suffering from mental disorders associated with the use of psychoactive substances of different types: comparative analysis] // *SPZh* – Siberian psychological journal. 2016. No. 59. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoidentifikatsiya-u-lits-stradayushchih-psihicheskimi-rasstroystvami-svyazannymi-s-upotrebleniem-psihoaktivnyh-veshchestv-raznogo-tipa> (date accessed: 23.01.2019).
5. Zapesockaya I. V., Nikishina V. B., Ahmetzyanova A. I. *Dissociativnye mekhanizmy narusheniya lichnostnoj identichnosti pri narkoticheskoy zavisimosti* [Dissociative mechanisms of violation of personal identity in drug addiction] // *Nevrologicheskij vestnik* – Neurological Herald. 2015. No. 2. Pp. 34–41.
6. Zencova N. I. *Specificheskie osobennosti samosoznaniya ("Ya-koncepcii") kak odna iz sostavlyayushchih sindromokompleksa psihologicheskikh narushenij pri zavisimostyah ot psihoaktivnyh veshchestv* [Specific features of self-consciousness ("I-concept") as one of the components of the syndrome of psychological disorders in dependence on psychoactive substances] // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* – Theory and practice of social development. 2012. No. 9. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsificheskie-osobennosti-samosoznaniya-ya-kontseptsii-kak-odna-iz-sostavlyayushchih-sindromokompleksa-psihologicheskikh-narushenij> (date accessed: 03.02.2019).
7. Kamaldinov D. O., Kiseleva L. T., Ovchinnikov A. A. *Narushenie formirovaniya identichnosti kak faktor razvitiya addiktivnogo povedeniya* [Violation of identity formation as a factor of addictive behavior development] // *Sibirskij vestnik psikiatrii i narkologii* – Siberian Herald of psychiatry and narcology. 1999. No. 2–3. Pp. 60–62.
8. Korolenko C. P., Dmitrieva N. V. *Psihosocial'naya addiktologiya* [Psychosocial addictology]. Novosibirsk. Olsib. 2001. 257 p.
9. Krylova N. V., Shnejder L. B. *Utrata lichnostnoj identichnosti u molodezhi i podrostkov, zavisimyh ot alkogolya i narkotikov* [Loss of personal identity of young people and adolescents dependent on alcohol and drugs] // *Aktual'nye problemy psihologicheskogo znaniya* – Actual problems of psychological knowledge. 2011. No. 1. Pp. 69–79.

10. Kun M. *Empiricheskoe issledovanie ustanovok lichnosti na sebya* [Empirical research of attitudes of the person on himself] / M. Kun, T. McPartland // *Sovremennaya zarubezhnaya social'naya psikhologiya. Teksty* – Modern foreign social psychology. Texts / under the editorship of G. M. Andreeva, N. N. Bogomolova, L. A. Petrovskaya. M. Moscow University. 1984. Pp. 180–187.
11. Leont'ev A. N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. M. Politizdat. 1975. 304 p.
12. Linton R. *Lichnost', kul'tura i obshchestvo* [Personality, culture and society] // *Voprosy social'noj teorii* – Questions of social theory. 2007. Vol. 1. Issue 1. Pp. 175–190.
13. Petrakova A. S. *Realizatsiya processov identifikatsii lichnosti v usloviyah funkcionirovaniya social'nyh sistem* [Realization of processes of identification of the person in the conditions of functioning of social systems] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Vyatka State University. 2018. No. 1. Pp. 26–31.
14. Petrash E. A. *Narushenie social'noj identichnosti pri zavisimosti ot kuritel'nyh smesey* [Violation of social identity under dependence from smoking mixtures] // *Chelovek i ego zdorov'e* – Man and his health. 2015. No. 1. Pp. 125–129.
15. Rubinshtejn S. L. *Bytie i soznanie: o meste psicheskogo vo vseobshchej vzaimosvyazi yavlenij material'nogo mira* [Being and consciousness: on the place of the psychic in the universal interconnection of the phenomena of the material world] / S. L. Rubinstein. M. AS SSSR. 1957. 330 p.
16. Rumyanceva T. V. *Psichologicheskoe konsul'tirovanie: diagnostika otnoshenij v pare* [Psychological counselling: diagnostics of couple relationships]. SPb. 2006. Pp. 82–103.
17. Rumyanceva T. V. *Transformatsiya identichnosti studentov medicinskogo vuza v menyayushchihsya social'nyh usloviyah: avtoref. dis. ... kand. psiol. nauk* [Transformation of identity of medical university students in changing social conditions: abstr. dis. ... PhD of Psychol. Sciences] / T. V. Rumyantseva. Yaroslavl. 2005. 28 p.
18. Soldatova E. L. *Ego-identichnost' v normativnykh krizisakh vzroslosti* [Ego-identity in normative crises of adulthood] // *Voprosy psikhologii* – Questions of psychology / E. L. Soldatova. 2006. No. 5. Pp. 74–84.
19. Soldatova E. L., Shlyapnikova I. A. *Ego-identichnost' kak sistemoobrazuyushchij faktor formirovaniya lichnostnoj zrelosti* [Ego-identity as a system-forming factor in the formation of personal maturity] // *Vestnik YurGU. Seriya "Psikhologiya"* – Herald of SUSU. Series "Psychology". 2010. No. 27 (203).
20. Chernysheva A. V. *Deformatsiya struktury social'noj identichnosti kak faktor riska formirovaniya alkogol'noj zavisimosti* [Deformation of the structure of social identity as a risk factor for the formation of alcohol dependence] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Pedagogika i psikhologiya* – Herald of the Moscow State Humanitarian University n.a. M. A. Sholokhov. Pedagogy and psychology. 2012. No. 2. Pp. 107–113.
21. Shnejder L. B. *Lichnostnaya, gendernaya i professional'naya identichnost': teoriya i metody diagnostiki* [Personal, gender and professional identity: theory and methods of diagnosis]. M. Moscow Psychological and Social Institute. 2007. 128 p.
22. Erickson E. [Identity: youth and crisis : transl. from English] / general ed. and foreword by A. V. Tolstykh. M. Progress. 1996. 344 p.
23. Erikson E. H. *Identity and Life Cycle*. New York. Norton. 1980.
24. Marcia J. E. *Identity in adolescence* // Adelson J. (ed.) *Handbook of adolescent psychology*. N. Y. John Wiley. 1980.